

Григорий Бибиков*

НАДЗОР III ОТДЕЛЕНИЯ ЗА ЧАСТНОЙ ЖИЗНЬЮ ГУБЕРНСКИХ ЧИНОВНИКОВ (1820–1830-Е ГГ.)**

Аннотация: Статья посвящена надзору III отделения Собственной его императорского величества канцелярии за частной жизнью губернских чиновников 1820–1830-х гг. Исследование основано преимущественно на архивных материалах делопроизводства III отделения, Корпуса жандармов и Министерства внутренних дел. Отмечается, что современная историография уделяет особое внимание тому, как тайная полиция эпохи правления Николая I наблюдала за служебной деятельностью чиновников, а также надзирила за частной жизнью подданных, их нравственным обликом и поведением. На практике в деятельности III отделения надзор за управлением и забота об общественной морали переплетались. В статье рассмотрены примеры вмешательства III отделения в частную жизнь губернских чиновников, основное внимание уделено губернаторскому корпусу. Центральным сюжетом выступает дело пермского гражданского губернатора К. Я. Тюфяева (1777–1845), в котором переплелись частное и публичное, надзор за служебной деятельностью и семейной жизнью чиновника. Отмечено, что в правящей элите Российской империи не было единства взглядов относительно путей и допустимых пределов вмешательства власти в частную жизнь чиновников. При Николае I эта сфера стала объектом надзора тайной полиции, преимущественное внимание отводилось наблюдению за губернаторами посредством жандармских штаб-офицеров. Последние обращали особое внимание на семейные раздоры и непристойное поведение чиновников. Негласный надзор замыкался на фигуре императора, который подчас детально вникал в обстоятельства дела. Николай I стремился избегать лишней гласности, но вмешивался в ситуацию, когда обстоятельства частной жизни служащих становились предметом публичного обсуждения и порицания. В таком случае домашняя жизнь переставала быть частным делом чиновника и могла стоить ему служебной карьеры. Выступая представителем верховной власти, чиновник не должен был дискредитировать ее своими поступками.

Ключевые слова: III отделение, Николай I, надзор, частная жизнь, публичная сфера, чиновник, губернатор, Кирилл Тюфяев.

DOI: 10.17323/2587-8719-2019-3-2-79-108.

История III отделения Собственной его императорского величества канцелярии второй четверти XIX в. до недавнего времени рассматривалась в контексте противостояния оппозиционным настроениям и цензуры (Лемке, 1908; Деревнина, 1973; Оржеховский, 1982; Чукарев, 2005

*Бибиков Григорий Николаевич, к. и. н., старший научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук (Москва), grigoriy_bibikov@mail.ru.

**© Бибиков, Г. Н. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

и др.). Между тем дореволюционные правоведы отмечали, что с учреждением III отделения «несомненно имелось намерение пользоваться этим отделением и находящимися в его ведении жандармами для надзора за управлением и открытия различных злоупотреблений» (История Правительствующего Сената за двести лет, 1911), реорганизация тайной полиции в 1826 г. призвана была «образовать особый высший контроль над администрацией» (Середонин, 1902: 70).

Современные историки местного управления подкрепили эти теоретические посылы архивными материалами (Абакумов, 2015; Бикташева, 2014; Романов, 2012). А. В. Ремнев показал, как «жандармские офицеры способствовали обнаружению целого ряда случаев вопиющих злоупотреблений и откровенного произвола, творимых сибирской администрацией, через жандармов самодержавие получило дополнительный канал информации о нуждах региона» (Ремнев, 1995: 139). А. Н. Бикташева рассмотрела становление жандармского надзора за чиновниками на примере Казанской губернии и пришла к выводу, что «в коммуникативном пространстве власти жандармские штаб-офицеры получили равный голос наряду с ее первыми лицами» (Бикташева, 2012: 413).

В теоретическом плане надзор III отделения за бюрократией рассматривается в рамках истории государственного управления и исторической социологии, где в отношении абсолютистских государств Нового времени принято говорить о складывании «института монарха» и «агентах» верховной власти, представлявших в государственном управлении непосредственно волю монарха (Андерсон, Курилла, 2010; Мустонен, 1998; Burbank, Cooper, 2010). Таким путем верховная власть стремится не допустить монополии бюрократии на выработку управленческих решений в условиях, когда «монарх нуждался в постоянной информации о настроениях, царящих в его ближнем и дальнем круге, и должен был получать сведения из всех возможных источников» (Ремнев, 2010: 320).

Одновременно выходят новые исследования о III отделении, фокус внимания которых смещен к надзору за частной жизнью подданных, их нравственным обликом и поведением (Абакумов, 2017; Эдельман, 2013; Экштут, 2001; 2013:)¹. В николаевское время высшая полиция в числе прочего занималась разрешением семейных конфликтов. Сохраняя в секрете обстоятельства частной жизни, III отделение по указаниям императора добивалось примирения сторон. Если это не удавалось,

¹О надзоре за семейной жизнью самих служащих политической полиции рубежа XIX–XX вв. см. Лавренова, 2015.

применялись административные меры, вплоть до помещения в монастырь на покаяние или передачи имущества в опеку. Такие исследования ведутся в контексте истории повседневности и частной жизни, а также концепции «регулярного полицейского государства», призванного брать на себя заботу о материальном и душевном благоденствии подданных (Абакумов, 2000; Raeff, 1983).

На практике в деятельности III отделения 1820–1840-х гг. надзор за управлением и забота об общественной морали переплетались: государственные служащие обращали на себя внимание тайной полиции как служебными злоупотреблениями, так и ненормативным поведением. Настоящая статья рассматривает примеры вмешательства III отделения в частную жизнь губернских чиновников, главное внимание уделено делу пермского губернатора К. Я. Тюфяева.

С учреждением III отделения в июле 1826 г. предполагалось его участие в улучшении системы государственного управления. Управляющий III отделением М. Я. фон Фок указывал на разрастание чиновного сословия как угрозу внутренней стабильности:

Бюрократия, говорят, это гложущий червь, которого следует уничтожить огнем или железом; в противном случае невозможны ни личная безопасность, ни осуществление самых благих и хорошо обдуманных намерений, которые, конечно, противны интересам этой гидры (Петербургское общество..., 1881: 548).

Руководство III отделения полагало, что чиновники, в отличие от политической оппозиции, узурпируют прерогативы верховной власти: «К несчастью, они-то и правят, и не только отдельные, наиболее крупные из них, но, в сущности, все, так как им всем известны все тонкости бюрократической системы» («Россия под надзором», 2006: 23).

Если деятельность столичных ведомств находилась в поле зрения монарха, который отбирал министров из известных и преданных ему лиц (Lincoln, 1975), то в числе губернаторов почти не было приближенных императора (История Правительствующего Сената за двести лет, 1911: 556), в провинции формировалась изолированная и самодостаточная чиновная корпорация. Поэтому основное внимание III отделения было обращено на губернских чиновников.

По проекту главного начальника III отделения и шефа жандармов А. Х. Бенкендорфа сведения о местном управлении доставляли жандармские

офицеры, набранные из доверенных военных чинов². По «Положению о Корпусе жандармов» 1827 г. европейская Россия была поделена на пять жандармских округов во главе с генералами и с управлениями в Петербурге, Москве, Вильно, Харькове и Симбирске. К началу 1830-х гг. во все губернии, входившие в состав округов, были определены жандармские штаб-офицеры, начальники округов координировали их взаимодействие с III отделением.

Секретная инструкция 1826 г.³ вменяла в обязанность жандармским штаб-офицерам обращать внимание на «злоупотребления, беспорядки и закону противные поступки», следить, чтобы права «граждан» не нарушались «чьей-либо личной властью или преобладанием сильных лиц». Жандармам предлагалось надзирать за поведением подданных, негласными внушениями склоняя к соблюдению принятых норм:

Цель вашей должности должна быть прежде всего предупреждение и отстранение всякого зла. Например, дойдут ли до вашего сведения слухи о худой нравственности и дурных поступках молодых людей, предварите о том родителей или тех, от коих участь их зависит, или добрыми вашими внушениями старайтесь поселить в заблудших стремление к добру и возвести их на путь истинный прежде, нежели обнаружить гласно их худые поступки пред правительством (Шильдер, 1997: 473–474).

Штаб-офицер, по словам Бенкендорфа, «всегда может, даже обязан частным образом стараться направить на путь справедливости принявшее неправильный ход дело» (ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 221. Л. 50 об.). При назначении в губернию шеф жандармов устно напутствовал подчиненных: «Ваша обязанность — утирать слезы несчастных и отвращать злоупотребления власти, а обществу содействовать быть в согласии. Если будут любить вас, то вы легко всего достигнете» (Стогов, 2003: 108)⁴. Дополнительная секретная инструкция 1827 г. определяла порядок действий жандармских чинов, которые были независимы от губернатора и других местных властей, но не имели права вмешиваться в их деятельность, наводить справки в присутственных местах и принимать письменные жалобы подданных (Деревнина, 1973: XI–XIII).

²В 1970-е гг. американский историк Дж. Яни применил концепцию «личных агентов» монарха к жандармским штаб-офицерам николаевской эпохи (Yaneu, 1973: 224–227). В распоряжении историка не было архивных документов III отделения.

³Наиболее ранним из датированных вариантов этого текста остается инструкция И. В. Шервуду-Верному от 13 января 1827 г. (Шильдер, 1997: 473–474).

⁴В цитируемой фразе угадывается фразеология эпохи европейских просвещенных монархий XVIII в.

Жандармам вменялось в обязанность собирать сведения о губернских чиновниках. Циркуляр Бенкендорфа от 2 февраля 1832 г. формализовал этот круг их действий, обязав дважды в год представлять в III отделение отчеты по надзору за губернскими служащими:

...обратить самое бдительное внимание на тех [...], которые своим званием или богатством, связями, умом, просвещением или другими достоинствами имеют дурное или хорошее влияние на окружающих и даже на чиновников высшего звания [...] основываясь на беспристрастном отзыве людей достойных и доверенных (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 7. Д. 434. Л. 4).

Собранные негласным путем отзывы о чиновниках жандарм должен был частным образом доводить до сведения начальника губернии, а в случае отсутствия реакции с его стороны — доносить в III отделение. Из ведомства высшей полиции записки передавались на усмотрение министров и генерал-губернаторов, а в важных случаях ложились на стол императору.

Основной поток жандармских записок относился к служебной деятельности чиновников, но сведения касались и частной жизни. Так, в 1829 г. президент Академии наук С. С. Уваров сообщил в III отделение записку о назначении председателем Оренбургской гражданской палаты коллежского советника И. Я. Соколова, который «пользуется не лучшей славой». На запрос Бенкендорфа жандармский полковник А. П. Маслов подтвердил, что «корыстолюбие Соколова не имеет границ», чиновник «берет всем, что только имеет какую-либо ценность», а «обращение его с своим семейством служит доказательством до какой степени пороки закоренились в сем человеке» (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 5. Д. 41. Л. 6–8). Из III отделения записка Маслова была направлена оренбургскому военному губернатору генерал-лейтенанту графу П. П. Сухтелену, который отозвался, что не готов войти с представлением об увольнении чиновника без формальных доказательств. Подробности семейной жизни Сухтелен посчитал незаслуживающими внимания: «Происходя в стенах его дома, я сознаться должен, что не почитаю уместным вмешиваться в подобные семейные тайны, довольно обыкновенные» (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 5. Д. 41. Л. 11–12об.). Бенкендорф сообщил переписку управляющему Министерством юстиции Д. В. Дашкову, который согласился, что «отзывы отовсюду невыгодные», но «законных доказательств нет», а потому «токмо Верховной Власти [...] принадлежит [...] принять меру

более решительную». В феврале 1831 г. Бенкендорф доложил записку министру Николаю I, который отстранил чиновника от должности (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 5. Д. 41. Л. 15–17).

Некоторые жандармы пытались своими силами пресечь непопозволенное поведение служащих. По сведениям Ф. В. Булгарина, переданным в III отделение в 1828 г., виленский штаб-офицер подполковник К. Л. Рутковский:

...в усердии своем не знает ни лица, ни места. Недавно он пришел к почт-директору Бухарскому и объявил ему, что желает говорить с ним по службе. Бухарский просил изъясниться, и Рутковский сказал: «Государь не любит разврата и явного соблазна. Высшие чиновники должны подавать собою пример нравственности, и потому нехорошо, что в карете с вашим гербом ездит днем публичная девка, ваша наложница, стучится в двери к женам чиновников, желая делать им визиты, и за то, что они не принимают ее, Ваше Превосходительство гоните несчастных мужей». — Бухарский взбесился: «Кто вам дал право говорить так?». — «Я действую по моей инструкции». «Но кто может мне предписывать, кого я должен возить в моей карете? Я велью возить в ней жида», — сказал Бухарский. — «Вы можете возить жида и цыгана, но не *наложницу по визитам* (здесь и далее курсив в тексте документов мой. — Г. Б.), потому что это соблазнительно и вредит службе Государевой, озлобляя чиновников», — отвечал жандарм. «Извольте меня оставить в покое!» — воскликнул Бухарский. Жандарм вышел, вежливо поклонившись (Видок Фиглярин..., 1998: 298–299).

Бенкендорф не оценил служебного рвения Рутковского, полагая, что «не нужно ему столь явно вооружаться против чиновников старее его, если они неохотно принимают его извещения» (там же).

Основное внимание III отделения было обращено на губернаторский корпус. Надзор за губернаторами приобретал особую конфигурацию. Жандармы по понятным причинам не могли докладывать губернаторам собранные о них сведения, направляя их прямо в Петербург. Считаясь служащими Министерства внутренних дел, начальники губерний назначались и увольнялись именными высочайшими указами, император лично изучал послужной список кандидатов на губернаторские должности.

В ноябре 1826 г. Бенкендорф предлагал Николаю I уведомлять его о предполагаемых назначениях губернаторов с тем, чтобы «заранее использовать все средства для сбора наиболее детальных сведений о предшествующей службе и репутации этих особ» (ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1467. Ч. 1. Л. 98–99). В записке 1831 г., используя близкую

императору военную аналогию, Бенкендорф настаивал на усилении надзора:

Губернаторы составляют основу; они — как полковники в армии; именно на них все завязано. Безусловно, необходимо как можно тщательнее подбирать губернаторов и пытаться поднять их образ в глазах публики (ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1467. Ч. 2. Л. 67).

В потоке жандармских записок встречаются эпизоды из частной жизни начальников губерний, которые могли привлечь внимание высшей полиции и императора и в результате привести к отставке или переводу чиновника.

Гражданским губернатором в Симбирске с 1831 г. служил А. М. Загряжский, чье поведение сразу оказалось в поле зрения местного жандарма:

...легковерные суждения, рассказы о своих похождениях, нескромное и вольное обращение с женщинами; совершенно явное без малейшей скрытности волокитство за дочерью одного из частных приставов и одной молодой иностранкой, дружеское обращение с некоторыми из секретарей, было причиною, что в общем мнении потерял к себе уважение (ГАРФ. Ф. 109. Оп. за. Д. 1318. Л. 48об.-49).

В начале 1835 г. Загряжский попал в неприятную историю. Губернский жандарм Э. И. Стогов доложил в III отделение, что старшая дочь предводителя дворянства князя М. П. Баратаева:

...по признанию самого мне Загряжского, была соблазнена им и ходила несколько раз ночевать к нему в кабинет. Загряжский по болтливости своей не скрыл сего и по обыкновению своему расхвастал о сем многим по секрету (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 9. Д. 338. Л. 31 об.).

В числе последних оказался грузинский князь Дадриан, сватавшийся к Баратаевой. Он публично обещал отомстить губернатору, так что последний, по словам Стогова, «исхудал, почернел и такой имеет расстроенный вид, что совершенно похож на сумасшедшего, идеи его так перепутаны, разговор так не отчетлив, что при продолжении подобного положения я опасаясь настоящего сумасшествия». Стогов упоминал, что:

...Загряжский в минуты откровенности (прежде) и хвастовства неоднократно говорил мне, что успеть в интриге с девицей или женщиной и не рассказать о сем, — все равно что иметь орден Андрея Первозванного — но носить его спрятанным в кармане! (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 9. Д. 338. Л. 32).

Донесение Стогова было доложено Николаю I и решило судьбу губернатора. 27 февраля Бенкендорф уведомил министра внутренних дел:

«Его Величество [...] изволил найти, что г. Загряжский не может оставаться в настоящей своей должности по неблагонадежности, особенно при нынешних обстоятельствах обращения казенных крестьян означенной губернии в удельное ведомство» (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 9. Д. 338. Л. 35)⁵.

Позже Николай I признавался, что предпочел бы не вмешиваться в личные дела губернатора, если бы они не стали достоянием публики:

Я им был, впрочем, доволен, но он занемог — политически, разумеется!.. У него вышли какие-то дрязги с губернским предводителем... Личности, о которых я и знать бы не хотел. Мы бы сквозь пальцы посмотрели на это, но, к несчастью, к моему неудовольствию вмешалось тут дворянство! [...] Загряжский не умел поддерживать звания своего, как следует (Жиркевич, 2009: 298–299).

В 1841 г. в III отделение был передан анонимный донос на ярославского вице-губернатора П. А. Ковалевского, временно исполнявшего обязанности начальника губернии. Чиновник изобличался в том, что на месте прежней службы в Харькове «бросил супругу и детей, а в Ярославле отбил жену у бедного мещанина [...] не стыдится скрывать пред другими порочную с нею связь. Такой наглости никогда не было в нашем Ярославле» (РГИА. Ф. 1284. Оп. 26. Д. 43. Л. 106.). Жандармский полковник Кованько подтвердил справедливость этих слухов, полагая, что чиновнику «оставаться [...] в Ярославле в звании вице-губернатора ни в коем случае невозможно». 22 сентября 1841 г. последовал всеподданнейший доклад шефа жандармов «Об увольнении от службы ярославского вице-губернатора Ковалевского» (РГИА. Ф. 1284. Оп. 26. Д. 43. Л. 11), утвержденный Николаем I.

Через год от того же Кованько поступил отзыв о новом вице-губернаторе В. П. Ханькове, управлявшем губернией. По свидетельству жандарма, «при весьма ограниченных умственных способностях, слабости здоровья и дряхлости, г. Ханьков имеет от роду около 70 лет, и сверх того одержим такую неблагопристойной болезнью, что с трудом может надеть мундир», к тому же «содержит игорный дом и живет деньгами,

⁵Отметим, что определение «неблагонадежный» в 1820–1830-е гг. не имело позднейшей выраженной политической окраски и преимущественно употреблялось в отношении чиновников, которые дискредитируют власть своим поведением на службе и в частной жизни.

выручаемыми за карты». Последовало служебное разбирательство, но до его завершения ярославский военный губернатор уведомил III отделение, что чиновник подал прошение об отставке (РГИА. Ф. 1284. Оп. 28. Д. 4. Л. 8).

В 1841 г. III отделение получило анонимный донос о злоупотреблениях оренбургского гражданского губернатора И. Д. Талызина. Проверка «под рукой» была поручена местному штаб-офицеру А. Г. Краевскому, который представил подробный список служебных махинаций и вывел в своих донесениях образ невоздержанного и самовластного начальника:

Обхождение г. Талызина с чиновниками простирается до невероятной наглости [...] ругательства сопровождаются собственноручными «толчками и пинками», губернатор «дозволяет себе дерзкие и предосудительные выражения». После пьяных карточных застолий Талызин был замечен «в крайне безнравственных поступках с простыми и позорными женщинами [...] не стыдился плясать с ними в виду многочисленного собрания дам, чиновников и простого народа» (РГИА. Ф. 1284. Оп. 27. Д. 6. Л. 80об.).

По всеподданнейшему докладу шефа жандармов Николай I распорядился направить сенаторскую ревизию, которая вылилась в подробную проверку присутственных мест Оренбургской губернии (Гвоздиков, 2007). В своем отчете сенатор А. Н. Пешуров опроверг слухи о пьянстве и непотребном поведении губернатора, опрошенные свидетели не подтвердили жандармских показаний (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 12. Д. 8. Л. 114–116). Инициатором интриги был выставлен Краевский как человек, участвовавший в мелких махинациях и «слишком неразборчивый в изобретении средств к удовлетворению личной мести»:

Черня с такою дерзостью людей, служащих долгое время безукоризненно, какое ругательство может представить Краевский в подкрепление своих голословных изветов. Какие заслуги или личные достоинства дают ему право предполагать, что безымянные доносы и пасквили одним только им засвидетельствованные, должны быть предпочтены формальному изысканию и свидетельству людей, ни по службе, ни в частной жизни ничем не запятнанных (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 12. Д. 8. Л. 110–129об., 159об.).

Талызин сохранил губернаторское кресло, а Краевский в марте 1843 г. был отчислен из Корпуса жандармов. Впрочем, один из свидетелей событий, служивший в начале 1840-х гг. в Уфимском казачьем полку, указал в воспоминаниях на пристрастность сенаторской проверки и почти дословно повторил жандармские показания о Талызине:

Чтобы дать понятие об этом человеке, достаточно сказать, что он, бывши губернатором, на деревенском пикнике, где было все городское общество и множество дам, напился до такой степени, что был уведен и уложен в постель; но из которой выскочил и, прибежав в одном белье, плясал в хороводе. Случай этот не остался без последствий. По Высочайшему повелению назначен был сенатор Пещуров произвести формальное следствие. Но таково было старое доброе время, что все было скрыто, и Талызин не только оставался по-прежнему губернатором, но получил еще орден св. Анны 1-й степени. Однако все это так сильно на него подействовало, что он заболел и скоро умер (Выписки из записок уфимского старожила..., 2014: 100–101).

Служебная проверка III отделения также обнаружила противоречия сенаторского отчета, но инициировать новое разбирательство шеф жандармов не решился⁶.

Частное и публичное, служебная деятельность и семейная жизнь сплелись в особо причудливой комбинации в деле пермского гражданского губернатора К. Я. Тюфяева. Хорошая сохранность архивных документов позволяет восстановить его ход в нюансах.

Кирилл Яковлевич Тюфяев (1777–1845) выделялся в ряду гражданских губернаторов своего времени. Записанный в детстве в кантонисты Тобольской губернии (Немчанинова, 2015: 101), он в юном возрасте гастролировал в составе бродячего цирка. В 1795 г. по окончании народного училища Тюфяев начал службу копиистом в Тобольском городском магистрате, где, очевидно, обратил на себя внимание столичного чиновника и был переведен в Петербург. С 1802 г. он служил уже в губернском правлении Гродненской губернии, а в 1812 г. был командирован к генерал-интенданту 2-й Западной армии Д. С. Ланскому. С 1814 г. Кирилл Яковлевич перешел на службу к А. А. Аракчееву, по протекции которого был назначен в 1817 г. вице-губернатором Кавказской губернии, еще через два года — переведен с той же должностью в Пензу, где был внесен в местную родословную книгу (там же). 28 марта 1824 г. уже в чине действительного статского советника он был назначен пермским гражданским губернатором (Пермские губернаторы..., 1997: 59–61).

В 1835 г. А. И. Герцен был сослан в Вятку и определен на службу в канцелярию к служившему там губернатором Тюфяеву. Позже Александр Иванович изобразил отталкивающий портрет начальника края, по которому он известен в литературе:

⁶О «деле Талызина» подробнее см. Бибилов, 2017.

Небольшого роста плечистый старик, с головой, посаженной на плечи, как у бульдога, большие челюсти продолжали сходство с собакой, к тому же они как-то плотоядно улыбались; старое и с тем вместе приапическое выражение лица, небольшие, быстрые, серенькие глазки и редкие прямые волосы делали невероятно гадкое впечатление (Герцен, 1969: 204)⁷.

В изображении Герцена это был губернатор-аракчеевец «старого покроя»:

«восточный сатрап, но только деятельный, беспокойный, во все мешавшийся, вечно занятый, Тюфяев был бы свирепым комиссаром Конвента в 94 году, — каким-нибудь Карье... Развратный по жизни, грубый по натуре, не терпящий никакого возражения, его влияние было чрезвычайно вредно. Он не брал взяток, хотя состояние себе-таки составил, как оказалось после смерти» (там же: 206)⁸.

В числе прочего, Александр Иванович упоминал анекдотичный в своей неправдоподобности эпизод, переданный со слов вятского врача:

Тюфяев был в открытой связи с сестрой одного бедного чиновника. Над братом смеялись, брат хотел разорвать эту связь, грозился доносом, хотел писать в Петербург, словом шумел и беспокоился до того, что его однажды полиция схватила и представила как сумасшедшего для освидетельствования в губернское правление.

Губернское правление, председатели палат и инспектор врачебной управы, старик немец, пользовавшийся большой любовью народа и которого я лично знал, все нашли, что Петровский — сумасшедший.

[...] Петровский умер в сумасшедшем доме, не дождавшись дня, назначенного для вторичного свидетельства, и несмотря на то что он был молодой, здоровый малый.

⁷Сам Тюфяев в своем отношении в Министерство внутренних дел от 16 июня 1836 г. характеризовал Герцена более лестно: «Для ближайшего наблюдения за ним, поведением его и в особенности образом мыслей с самого прибытия я употребил его на занятия по канцелярии моей и в продолжение года службы его заметил в нем: похвальное поведение, особенное усердие, способности и образование отличное, образ мыслей — свойственный верноподданному» (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 9. Д. 239. Ч. 10. Л. 8–8об.). По просьбе И. А. Яковлева, отца Герцена, Тюфяев хлопотал о его переводе в Москву (Переписка И. А. Яковлева с А. И. Михайловским-Данилевским, 1997: 497–537).

⁸Другой современник судил о губернаторе менее строго: «Тюфяев, при малом росте, был головою выше всех современных ему деловых людей Перми, обладал замечательную способностью привлекать к себе каждого, до кого имел надобность; стремясь по служебной стезе, он явно пренебрегал выгодами от казнокрадства и взяточничества, которыми нередко пачкали свою репутацию провинциальные воеводы. Когда же Тюфяеву приходила охота строить что-нибудь, в таком случае закон устранялся, как досадная помеха; вопль частных лиц ставился ни во что» (Пермские губернаторы..., 1997: 62).

Дело дошло до Петербурга. Петровскую арестовали (почему не Тюфяева?), началось секретное следствие. Ответы диктовал Тюфяев, он превзошел себя в этом деле. Чтоб разом остановить его и отклонить от себя опасность вторичного непроизвольного путешествия в Сибирь, Тюфяев научил Петровскую сказать, что брат ее с тех пор с нею в ссоре, как она, увлеченная молодостью и неопытностью, лишилась невинности при проезде императора Александра в Пермь (Герцен, 1969: 209).

«И вот этот-то почтенный ученик Аракчеева и достойный товарищ Клейнмихеля, — заключал Герцен, — акробат, бродяга, писарь, секретарь, губернатор, нежное сердце, бескорыстный человек, запирающий здоровых в сумасшедший дом и уничтожающий их там, человек, оклеветавший императора Александра для того, чтоб отвести глаза императора Николая, брался теперь приучать меня к службе» (там же: 210).

Автор «Былого и дум» убеждал читателя, что описанный эпизод «имел случай после поверить по документам в канцелярии министра внутренних дел». В архивном фонде Департамента полиции исполнительной указанного ведомства хранится объемный том «По отношению генерал-адъютанта графа Бенкендорфа с объявлением высочайшего повеления о вытребовании в Санкт-Петербург из Перми сына бывшего межевого прокурора коллежского советника Петровского и сестру его девицу Клеопатру и о разных злоупотреблениях по Пермской губернии». Рассказ Герцена верно передает канву событий, но неточен в деталях и умалчивает о ведущей роли III отделения и императора в этом деле.

В 1829 г. в ведомство высшей полиции поступили два доноса из Перми за вымышленными подписями «Фералонта Любоверитова» и «Феопемта Правдина». Доноситель указал на злоупотребления чиновников губернского правления, казенной палаты и прокурора. Губернатор Тюфяев был выведен их главным покровителем, доносчик сообщал о нем:

Будучи низкого происхождения и не имея никакого образования, чрезвычайно горд, тщеславен и своевластен. Один благородный молодой человек, желая защитить честь сестры своей от лобострастных преследований губернатора, был взят под стражу и едва ли не содержится до сих пор за караулом под предлогом сумасшествия (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 221. Д. 22. Л. 33–33об.).

Донос привлек внимание Бенкендорфа, тем более, что ранее жандармский подполковник И. С. Новокшенов уже отзывался о Тюфяеве вполне негативно: «Человек не слишком деликатный в своей нравственной политике, высокомерный, дерзкий, коварный, так подчиненные его

о нем отзываются. Пользуясь властью губернатора, действует деспотически» (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 4. Д. 336. Л. 80б.). В феврале 1830 г. анонимный донос был доложен Николаю I, который повелел III отделению «стараться узнать истину». Поручение было передано исправлявшему должность начальника пятого (сибирского) округа Корпуса жандармов полковнику А. П. Маслову.

Маслов поступил в Корпус жандармов в 1827 г. губернским штаб-офицером и выделялся деятельной активностью⁹. В июне 1830 г. по возвращении из Перми он представил в III отделение обстоятельный доклад по всем эпизодам доноса. Жандарм подтвердил, что близкие к губернатору чиновники содержат винокуренные заводы и указал на ряд злоупотреблений при постройке казенных строений, организации подрядов, сборе пожертвований по губернии и др.

Столь же дотошно Маслов собирал подробности личной жизни начальника губернии — «не как частного человека — но как лица, облеченного властью, коего характер, действуя на подчиненных, может иметь влияние и на дела службы и нередко обнаруживается в самих распоряжениях» (РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 425. Л. 250б.-26.). По сведениям жандарма, Тюфяев завел любовницу, дочь кунгурского межевого прокурора Клеопатру Степановну Петровскую. Дама «находится на содержании у губернатора, прижила уже трех детей», Тюфяев «часто ее посещает и весьма явно», «сия связь [...] известна всем в губернском городе и губернии» (РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 425. Л. 50б.). Через месяц Маслов сообщил в III отделение показания бывших дворовых Клеопатры Петровской — «Тюфяев бывал в доме Петровской почти ежедневно», «одна служанка показала, что слыхала, как Тюфяев барышне ее говорил иногда ты; девки, занятые работою в спальне, тотчас по приезде Тюфяева высылались в девичью», а «старшая сестра Петровских, умершая потом, имела иногда с Тюфяевым крупный разговор» (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 221. Д. 23. Л. 820б.-83).

В донесении подчеркивалась изворотливость и лицемерие губернатора, который:

...успел самой связи своей с Петровской придать вид попечения — о девице безродной, по просьбе будто бы ее отца. Странно только то, что сей нежной его заботливости о сироте не разделяет супруга его, которая как слышно ненавидит ее и никогда к себе не принимает. Странно также и то, что сия

⁹Об определении Маслова в Корпус жандармов см. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 33.

всеми, кроме г. губернатора оставленная сирота, не едет к родному семейному брату своему, живущему в Симбирске (РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 425. Л. 25).

Маслов подчеркивал, что семейные дрызги отражаются на ходе служебных дел, Петровская «имеет большое влияние на начальника губернии, и всякий чиновник, желающий получить место, обращается прежде с просьбою к ней и потом уже определяется». Губернатор допустил даже противоправные действия. В 1827 г. отставной губернский секретарь Александр Петровской, брат фаворитки, застал Тюфяева у себя дома и «спросил его о причине частых его посещений и получил в ответ, что губернатор приезжает не к нему, а к его сестре». Тюфяев приказал городничему:

...посадить Петровского как сумасшедшего в больницу. Городничий нашел комнату Петровского запертою и вместе с лекарем Ардашевым силою вломился в оную. Петровский защищался саблею, ранил городничего в руку и заставил его удалиться. За сим губернатор послал к Петровскому частного пристава Аронова, который обманом выманил Петровского из комнаты, связал ему руки и отправил в больницу, в которой он содержится уже третий год (РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 425. Л. 4-4об.).

Жандарм наведаясь в дом умалишенных, где нашел «довольно видного собою мужчину, бледного, изнуренного и пришедшего в расслабленное положение», который отказывался принимать пищу, опасаясь отравления. «Не взирая на чрезвычайное расслабление душевных его способностей от долговременного дурного содержания и изнурения», Маслов «не мог однако же приметить в нем признаков помешательства ума». Того же мнения придерживались, по словам жандарма, инспектор врачебной управы и главный начальник Уральских горных заводов генерал-лейтенант А. А. Богуславский. Маслов полагал, что с подачи Тюфяева врачи внушали Петровскому, «будто Австрийский Император прислал посланников для рассмотрения его дела» (РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 425. Л. 4об.).

Ко всему вышеизложенному Маслов добавлял городские сплетни вокруг пермского воспитательного дома Приказа общественного призрения, где «девушки [...] содержатся с некоторою роскошью, в особенности на счет одежды [...]. Общие слухи подтверждают невыгодное мнение об особенном попечении г. губернатора о сих воспитанницах» (РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 425. Л. 53-54). Те же сплетни приписывали губернатору «тесную связь с женою советника [казенной палаты] Розинга. Один известный чиновник между разговорами сказывал: что, служа

в Пермской губернии, должно исполнять волю *пяти Губернаторш*» (РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 425. Л. 3–6). Маслов представил в III отделение полученный им в Перми пасквиль на губернатора:

...Погибелью ты ближних жил,
Ты вдов печальных притеснил,
Ты пролил горьких слез их токи,
Ты раны им нанес глубоки,
Приюта не дал сироте...
(ГАРФ. Ф. 109. Оп. 4. Д. 336. Л. 70б.)¹⁰

В Симбирске Маслов продолжал заниматься делом Тюфяева и сообщил в Петербург, что в проезд губернатора через Екатеринбург, «разнеслись по городу слухи, что граждане, которые имели молодых дочерей или родственниц, не охотно соглашались принимать к себе в дом сего дорогого и... (многоточие в документе мое. — Г. Б.) опасного для девиц гостя». В поездке Тюфяев «одевался в священническую ризу, приготовленную для церкви в тюремном замке, а потом, снявши с себя, надевал на других» (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 4. Д. 336. Л. 58–58об.).

Получив рапорт Маслова, Бенкендорф 8 июля 1830 г. прямо изложил его содержание Николаю I. Император распорядился:

...передать М[инистру] Внутр[енних] Дел с тем чтобы Петровского и сестру его вытребовать сюда, для чего придать жандармского офицера и предвартить п[олковника] Маслова. По прибытии же их сюда отобрать подробное показание (РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 425. Л. 3).

В ответ на предписание из Петербурга Тюфяев представил пространный рапорт императору и министру внутренних дел со своей версией событий трехлетней давности. Губернатор настаивал, что Петровский давно вышел из ума, «никого, даже родных сестер своих не впускал к себе, пищу его составляли сыр, колбасы, конфекты и белый хлеб, покупаемые у разносчиков, горячей пищи не употреблял, воду для питья сам растаивал из льда или снега [...] и наконец пришел в умоисступление», в связи с чем «по просьбам сестер надлежало принять меры к спасению их и его самого» (РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 425. Л. 74об.–75). Тюфяев заверял, что в больнице «фуриозное сумасшествие» Петровского:

...миновалось; но осталась одна постоянная идея, что он ближайший родственник австрийского императора и что с правительства российского следует ему

¹⁰Тюфяев был героем и других сатир, и эпиграмм. Учитель словесности пермской гимназии В. Т. Феонов, видимо, посвятил ему стихотворение «К лицемеру», опубликованное в «Вестнике Европы» (Пермские губернаторы..., 1997: 59).

200 миллионов рублей золотом и серебром, доставшихся ему по наследству от его прадеда Людвиг-Петрика (РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 425. Л. 75–75об.).

В подтверждение губернатор представил отчет о медицинском освидетельствовании Петровского от 19 мая 1830 г., проведенного инспектором врачебной управы доктором Ф. К. Гралем в присутствии высших губернских чиновников, копию журнала больничных наблюдений, «Краткое изложение происхождения Петровского, им самим объявленное» и другие бумаги (РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 425. Л. 78–119). Тюфяев всеподданнейше рапортовал:

Всю силу власти, всемиловейше званию моему присвоенную, устремляю я к пользе и благоденствию народа, благоденствуют все призываемые, в числе их и Петровский, помещенный в городскую больницу, о котором прилагается особенное попечение, ибо он находится в помешательстве ума (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 4. Д. 336. Л. 59об.).

О Клеопатре Степановне в рапорте губернатора не упоминалось. Николай I передал бумагу на усмотрение Бенкендорфа.

Петровские были доставлены в Петербург в середине сентября, допрос был поручен директору Департамента полиции исполнительной Министерства внутренних дел Г. С. Покровскому. На «вопрос и в рассуждении дурных слухов, дошедших сюда о поведении его сестры», Петровский сообщил, что «поведение сестры ему неизвестно, ибо он с нею не жил, а был три года в больнице, и что сестра во все это время была у него не более трех раз». Петровский жаловался, что «был посажен в дом сумасшедших, не чувствуя себя сумасшедшим», просил «дать ему свободу и не держать в больнице». «Из всех его слов была заметна в нем постоянная идея та, якобы его хотят отправить ядом», но «за всем тем однако ж не видно в нем большого помешательства ума» (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 4. Д. 336. Л. 106–109об.).

Клеопатра Петровская на допросе объявила, что прибегала к покровительству губернатора по тяжбыным делам, но «связей противных чести и законам [...] с ним никогда не имела [...] и все сие выдуманно одной коварной злобой!», «следовательно и детей от него не имела». «Смею надеяться, — заявила Петровская, — что эта злодейская клевета, возводимая на меня и пермского губернатора лихоимцами и раскольниками, не останется без должного возмездия» (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 4. Д. 336. Л. 110–111).

Результаты допроса не удовлетворили Бенкендорфа, в III отделении были составлены новые опросные пункты по сведениям из донесений

Маслова: «Кто тот ребенок, который под именем ее ребенка воспитывается у кунгурского городничего Полянского?» (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 4. Д. 336. Л. 130). Петровская продолжала открещиваться, но отдельные зацепки были налицо. Во всеподданнейшем докладе от 25 октября 1830 г. Бенкендорф обратил внимание Николая I, что Тюфяев «жалобу Петровского принял [...] прямо на свое лицо [...]. Сии выражения вынуждают замечание: что он или предупрежден был о причине вытребования сюда Петровского, или что он имеет причину страшиться его» (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 221. Д. 23. Л. 71–84об.).

За докладом последовало личное объяснение, Николай I поручил Бенкендорфу допросить Петровских. «Петровский оказался действительно помешанным в уме, — доложил шеф жандармов 15 ноября, — и я поручил главному доктору Кайзеру освидетельствовать его. Г. Кайзер уведомил меня письменно, что Петровский не только болен телесно, но что он также помешан на разных предметах, из коих главнейший состоит в том, что он полагает состоять в родстве с императором австрийским [...] По сей причине нельзя было узнать ничего обстоятельного от Петровского». Бенкендорф предлагал определить его «в здешнем доме сумасшедших, под особенным надзором доктора Кайзера, который полагает исцеление его возможным». Николай I согласился (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 221. Д. 23. Л. 97–98). В декабре 1831 г. лейб-медик И. Ф. Рюль¹¹ по повелению императора повторно освидетельствовал Петровского. На основании его отзыва по всеподданнейшему докладу шефа жандармов Петровскому был выдан вид на жительство в Петербурге с разрешением поступить на службу в Орловскую губернию (РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 425. Л. 222).

Клеопатра Петровская была допрошена с большим пристрастием, Бенкендорф докладывал:

Сестра его, женщина смелая, чуждая всяких нежных качеств, ее полу свойственных, запиралась во всех своих ответах, с жаром защищая губернатора как своего покровителя и благодетеля, говоря, что против него ябеда точит свои стрелы и что лихоимцы и раскольники его неприятели за то, что он честен и беспристрастен. (Почти слово в слово то, что сам губернатор пишет в рапорте своем по сему предмету).

Даже все, что только мог я сказать ей о детях, прижитых ею, не произвело в ней желанного действия: на глазах у ней навернулись слезы, но она осталась

¹¹С 1828 г. — инспектор по Медицинской части в богоугодных заведениях, подведомственных IV отделению Собственной его императорского величества канцелярии.

в принятой ею роли и опровергала все как гнусную клевету (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 221. Д. 23. Л. 98об.–99).

Бенкендорф полагал за лучшее дозволить Петровской «отправиться куда пожелает, выдав ей нужные для путевых издержек деньги» (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 221. Д. 23. Л. 100). Николай I, однако, повелел продолжить расследование и допросить Петровскую «при священническом увещании» (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 221. Д. 23. Л. 97).

Вскоре III отделение получило более вескую улику — «написанное в почтительных выражениях» письмо Тюфяева к Петровской¹². Губернатор выражал надежду на скорое окончание дела: «Злодеи мои, избравшие вас орудием к преследованию меня конечно будут отмщены справедливою волею», а «Государь вознаградит Ваше терпение». Все неприятности Тюфяев приписал Маслову, которого подозревал в стремлении занять губернаторское место в Перми (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 4. Д. 336. Л. 186–187). Из бумаги следовало, что Петровская сама писала Тюфяеву 8 октября.

Письмо Тюфяева было передано протоиерею Казанского собора Петру Мысловскому, определенному для церковного увещания Петровской. По словам Бенкендорфа, Мысловский ранее «неоднократно и с особенным успехом употребляем был в подобных делах»¹³. В беседе со священником «девица Петровская страшные и неоднократные изрекала клятвы в неповинности своей к лицу губернатора Тюфяева, отнюдь однако же не отвергая, чтоб он не делал ей, как при жизни сестры ея, так и после оной, весьма частых посещений». В туманных выражениях Петровская намекала, что ее связывал с губернатором общий секрет вокруг посещения Перми Александром I в 1824 г.:

Тот, кто уже не существует более на свете, сказал ей якобы клятвою: никому не открывать *тайны* великой и виновной, что при жизни *Его*, начиная с самого губернатора все в Перми, как бы проникая в тайну, не иначе обращались с нею, как с глубокою почтительностью, и что десятилетняя награда, плод преступления, доставлена была к ней нынешним графом И. И. Дибичем; наконец, что дитя ее было воспитываемо гораздо выше частного состояния (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 4. Д. 336. Л. 150–150об.).

¹²Материалы архивного дела не содержат сведений, при каких обстоятельствах письмо попало в III отделение. Ранее Маслов докладывал, что по сведениям его доверителя Тюфяев и Петровская обмениваются письмами, «она его уведомляет всякую неделю о всех делаемых ей вопросах» (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 4. Д. 336. Л. 155).

¹³В январе 1826 г. протоиерей Мысловский был приставлен духовником к заключенным в Петропавловскую крепость декабристам (Бокова, 2003: 95–97).

По обоснованному предположению Герцена, эта версия была плодом фантазии Тютфяева. Мысловский заключал:

Осмелюсь, обратиться к ужасным клятвам Петровской, думать, что она или действительно невинна в порочных связях с Тютфяевым, или — если виновата, то это будет не человек, а воплощенный Дьявол, заматеревшая в преступлениях грешница, у которой потеряна последняя капля совести (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 4. Д. 336. Л. 150об.).

Бенкендорф же полагал, что «не нужно даже соображать известных обстоятельств, но стоит только взглянуть на Петровскую, чтобы увериться в ложности сего дерзкого ее показания» (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 221. Д. 23. Л. 117об.). 13 декабря 1830 г. шеф жандармов представил очередной доклад по делу, включив в него полный текст показаний Петровской. Николай I повелел определить Петровскую в монастырь.

16 декабря обер-прокурор Святейшего синода князь П. С. Мещерский уведомил шефа жандармов, что:

...во исполнение высочайше воли [...] полагал бы удобнейшим заключить ее в Нижегородский Крестовоздвиженский женский монастырь и заготовил по сему предписание к игуменье того монастыря Дорофее о принятии и содержании в оном помянутой Петровской с тем, чтобы за поведением ее было надлежащее наблюдение с приличным наставлением о нравственном ее исправлении (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 4. Д. 336. Л. 162).

В апреле 1832 г. нижегородский военный губернатор генерал-майор М. П. Бутурлин довел до сведения шефа жандармов, что находящийся в губернии провиантский комиссионер имеет с Петровской:

...отношения, хотя не мог я удостовериться какого именно рода [...] но не менее того в тот же день игуменья сообщила мне, что сей комиссионер приходил к ней, просил согласия на брак его с означенною Петровскою (РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 425. Л. 292).

Опасаясь, что «великое стечение в церковь народа и ночная служба могла дать способ дойти как-нибудь до сей девицы или увести ее и потом где-нибудь обвенчаться», Бутурлин выслал комиссионера в Саратов и предложил перевести Петровскую в другой монастырь (РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 425. Л. 292об.). В августе 1832 г. после ходатайства Бенкендорфа определением Синода Петровская была «переведена Вятской епархии в Слободской Христорожественский монастырь и [...] сдана тамошнего монастыря игуменье Афанасии» (РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 425. Л. 300).

В 1832 г. Тюфяев через Министерство внутренних дел переслал Петровской заемные письма и документы на владение дворовыми людьми (РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 425. Л. 293–293об.). С 1834 году он служил в Вятской губернии, где тогда содержалась Петровская, но о дальнейшем доступные архивные документы умалчивают¹⁴.

В начале 1831 г. Министерство внутренних дел завершило расследование о злоупотреблениях пермских чиновников. Оно опиралось преимущественно на ответы губернатора, который последовательно отводил все обвинения. В министерской справке значилось, что «замечания по всем вышеприведенным предметам полковника Маслова не имеют никакого основания; а возражения его [...] самопроизвольны и неприличны» (РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 425. Л. 155–155об.). Слухи о неуместном покровительстве воспитанницам воспитательного дома были оставлены без внимания: «А чтобы обучение девушек пению устроено было с какою-либо неблаговидною целью или употребление их для клироса, сего в виду нет, да и приписать сие губернатору слишком неприлично» (РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 425. Л. 198).

Маслов, однако, продолжал собирать улики, жандармским чином удалось получить письмо советника губернского правления М. Г. Сведомского, свидетельствовавшее о его причастности к махинациям по винному откупу. В начале ноября 1830 г. Бенкендорф доложил эти обстоятельства Николаю I, который передал министру внутренних дел А. А. Закревскому недвусмысленный вопрос: «Не найдете ли вы такого человека вредным для службы?» (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 4. Д. 336. Л. 131). Хотя доказательства виновности Сведомского были весьма шаткими, министр не стал возражать: «Судя по описываемым поступкам, советник Сведомский не токмо не может быть терпим в службе, но должен непременно подвергнуться суду». Чиновник был судим в Архангельской уголовной палате (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 4. Д. 336. Л. 149)¹⁵.

¹⁴По данным краеведов, в начале 1835 г. по инициативе Бенкендорфа и обер-прокурора Синода С. Д. Нечаева Петровская была переведена в девичий Покровский монастырь Воронежской епархии (Касанов, 2012).

¹⁵В литературе Михаил Гаврилович Сведомский фигурирует как крупный фабрикант, помещик и меценат, который «основал Ланкастерскую школу; в отдаленном краю губернии, где особенно процветал раскол, на свой счет выстроил православную церковь, принимал участие в устройстве тюремного замка, госпиталей и вообще богоугодных заведений», а также «состоя членом Русского Географического Общества [...] оказал обществу немаловажную услугу доставлением точных сведений о Пермском крае и снабжением всем необходимым Уральской экспедиции» (Русский биографический словарь,

В октябре 1830 г., когда допросы Петровских были в самом разгаре, Маслов передал в III отделение новые сведения «до какой степени допущен в Пермской губернии разврат между чиновниками». Жандарм утверждал теперь, что дворянский заседатель в Оханском уезде «оставив жену, третий год проживает в Сосновской волости имея трех наложниц, из оных две родные сестры», другой чиновник насильно держит в своем доме девицу 17 лет (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 4. Д. 336. Л. 122–124). Все это было оставлено без последствий.

16 марта 1831 г. Тюфяев решением Николая I был переведен губернатором в Минск, а через месяц — в Тверь¹⁶. В обход действовавших правил он даже добился ассигнования 5 тыс. рублей на путевые издержки, заверив Закревского:

Бога и людей призываю в свидетели, что в продолжение 37-летней службы моей не только руки мои, но и мысли мои не осквернены постыдными и преступными приобретениями [...] Я столько беден, что не имею никакой возможности отправить семейство и самому тронуться с места (РГИА. Ф. 1286. Оп. 5.1831. Д. 298. Л. 140б.–150б.)¹⁷.

В справке министерства значилось, что Тюфяев «во время управления Пермскою губернию оказывал [...] постоянное усердие и попечение о благоустройстве ея» (РГИА. Ф. 1286. Оп. 5.1831. Д. 298. Л. 270б.).

Расследование завершилось для Тюфяева благополучно: по-видимому, Николаю I не нужен был публичный скандал вокруг губернатора. В последующие годы Тюфяев оставался в поле зрения III отделения. Тверской штаб-офицер подтверждал, что губернатор живет весьма скромно:

...но некоторые уверяют, что это для того, чтоб отвлечь всякое подозрение, и что он имеет денежный капитал, в чем удостовериться не только мудрено, но и невозможно, ибо он сей истины вероятно и духовнику не исповедует [...] в семейной жизни по общему гласу дурной муж (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 8. Д. 397е. Ч. 1. Л. 140–140об.).

1904: 229–230). После его смерти имение с заводами перешло к племяннику, сыновья которого — Александр и Павел — стали известными художниками (Гладышев, 2010).

¹⁶Перевод из Перми был вызван недовольством Николая I (Венчание с Россией, 1999: 133).

¹⁷Такая выплата полагалась при первом назначении губернатором, но не в случае перевода в другую губернию.

В апреле 1834 г. Тюфяев был переведен в Вятку, и вскоре жандармский офицер уже рапортовал в Петербург, что губернатор:

...как в обществе сделалось уже совершенно гласным, имеет семейственную жизнь самую предосудительную; он, завладев женой своего дворецкого, содержит явным образом как свою наложницу, а супругу свою совсем оставил, которая потому и осталась жить в доме второго своего сына (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 9. Д. 43е. Л. 7).

Все эти сведения, как и ряд записок о служебных злоупотреблениях губернатора, были переданы на усмотрение министра внутренних дел.

Служебная карьера Тюфяева оборвалась в мае 1837 г. Великий князь Александр Николаевич во время известного путешествия по стране передал отцу впечатления от посещения Вятки:

Что всего прискорбнее, это то, что до меня дошли слухи, что меры, взятые как здешним губернатором Тюфяевым, так и подчиненными его по случаю моего приезда, весьма круты и сделали много недовольных, что тем более прискорбно, что проезд мой, который должен бы быть радостью для всех, делается всем в тягость. По сему случаю поступило несколько просьб (Венчание с Россией, 1999: 42).

Состоявший при наследнике генерал-адъютант А. А. Кавелин сообщил эти просьбы Николаю I, подтвердив, что городничий в г. Орлове:

...принуждал жителей делать деревянные тротуары, а тем, которые не в состоянии были выполнить его требований, ставил экзекуцию; так как он сознался, что делал это из усердия к службе, исполняя волю начальства, то я объявил губернатору, что Его Высочеству весьма неприятно, что проезд его обращается в отягощение жителей (РГИА. Ф. 1284. Оп. 22. Д. 55. Л. 3).

В письме от 25 мая 1837 г. Николай I кратко поведал наследнику служебный путь губернатора:

Тюфяев слыл прежде исправным и часто за это был награждаем; я не был им доволен, перевел его из Перми в Тверь, где он так же надурчил; его перевели в Вятку, ибо там менее должно было случаться поводов ему ссориться с другими властями. Зато он пустился в другие неслыханные глупости, о которых мне официально донес и [получил], но поздно, заслуженного *дурака*. Придется его сменить (там же: 133)¹⁸.

¹⁸Задолго до этого эпизода жандармы передавали в Петербург жалобы обывателей на самоуправство Тюфяева при строительстве новых тротуаров. В июне 1830 г. Маслов писал, что в Перми «при устройстве тротуаров не было оказываемо никакой пощады беднейшим из жителей, у коих для сего выламывали даже полы из домов их» (РГИА. Ф. 1286.

Высочайшим указом 29 мая 1837 г. Тюфяев был уволен. Жандармский офицер представил тогда в III отделение записку «Об общей радости при получении известия об увольнении вятского гражданского губернатора Тюфяева» (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 9. Д. 43д. Л. 53; см. также Герцен, 1969: 251–253). В отставке Тюфяев проживал в селе Александровка Казанской губернии, где и был похоронен. В 1898 г. профессор Казанского университета Е. Ф. Будде общался в Александровке со старыми крестьянами, которые вспоминали барина «с великой благодарностью, т. к. он сразу по приезде освободил их от барщины», но припоминали, что бывший губернатор «жил „неладно“ в семейной жизни» (Будде, 1898: 9).

В целом, в правящей элите Российской империи, очевидно, не было единства взглядов относительно путей и допустимых пределов вмешательства власти в частную жизнь чиновников. С учреждением III отделения эта сфера стала объектом надзора тайной полиции, преимущественное внимание отводилось наблюдению за губернскими чиновниками посредством жандармских штаб-офицеров. Негласный надзор замыкался на фигуре императора, который подчас детально вникал в обстоятельства дела. Николай I стремился избегать лишней гласности, но вмешивался в ситуацию, когда обстоятельства частной жизни служащих становились предметом публичного обсуждения и порицания. В таком случае домашняя жизнь переставала быть частным делом чиновника и могла стоять ему служебной карьеры. Выступая представителем верховной власти, чиновник не должен был дискредитировать ее своими поступками.

СОКРАЩЕНИЯ

- ГАРФ. Ф. 110   Государственный архив Российской Федерации. Ф. 110: штаб Отдельного Корпуса жандармов.
- ГАРФ. Ф. 109   Государственный архив Российской Федерации. Ф. 109: Третье отделение Собственной его императорского величества канцелярии.

Оп. 5. Д. 425. Л. 19). В ноябре 1834 г. подполковник Бек доносил из Вятки, что Тюфяев «предложил переделать во всем городе тротуары [...] а потому он приказал перенести их ближе к домам, сделать вдвое шире и выкопать новые под ними канавы. [...] Бедные жители, которых большая часть в Вятке и которые едва в состоянии себя пропитывать, будучи понуждаемы полициею с угрозами: если они не построят тротуаров, то дома их будут взяты в распоряжение оной и будут отдаваться в наем» (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 9. Д. 43д. Л. 1–106).

- ГАРФ. Ф. 728 Государственный архив Российской Федерации. Ф. 728: коллекция Зимнего дворца.
- РГИА. Ф. 1284 Российский государственный исторический архив. Ф. 1284: Департамент общих дел Министерства внутренних дел.
- РГИА. Ф. 1286 Российский государственный исторический архив. Ф. 1286: Департамент полиции исполнительной Министерства внутренних дел.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

- Венчание с Россией : переписка Великого князя Александра Николаевича с императором Николаем I. 1837 год / сост. Л. Г. Захаровой, Л. И. Тютюнник. — М. : Московский университет, 1999.
- Видок Фиглярин : письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение / под ред. А. И. Рейтблата. — М. : Новое литературное обозрение, 1998.
- Выписки из записок уфимского старожила генерал-майора Михаила Михайловича Ребелинского // Река времени / под ред. Я. С. Свице. — Уфа : Книжная палата Республики Башкортостан, 2014. — С. 92–102.
- Герцен А. И.* Былое и думы / под ред. А. Козловского. — М. : Художественная литература, 1969.
- Жиркевич И. С.* Записки Ивана Степановича Жиркевича. 1789–1848. — М. : Кучково поле, 2009.
- Переписка И. А. Яковлева с А. И. Михайловским-Данилевским // Герцен и Огарев в кругу родных и друзей. Кн. 1 / под ред. А. Г. Тартаковского. — М. : Наука, 1997. — С. 497–537. — (Литературное наследство ; 99).
- Петербургское общество при восшествии на престол императора Николая по донесениям М. М. Фока — А. Х. Бенкендорфу // Русская Старина. — 1881. — № 11. — С. 519–560.
- Россия под надзором : отчеты III отделения 1827–1869. Сборник документов / сост. М. В. Сидоровой, Е. И. Щербаковой. — М. : Российский фонд культуры, Российский Архив, 2006.
- Стогов Э. И.* Записки жандармского штаб-офицера эпохи Николая I / под ред. Е. Н. Мухиной. — М. : Индрик, 2003.

ЛИТЕРАТУРА

- Абакумов О. Ю.* «Око земного бога» (Корпус жандармов на рубеже 50–60-х гг.: традиции и новации) // Освободительное движение в России / под ред. Н. А. Троицкого. — Саратов : Саратовский университет, 2000. — С. 61–78. — Вып. 18.
- Абакумов О. Ю.* Жандармы в борьбе со взяточниками // Противодействие коррупции : государственная политика и гражданское общество / под ред.

- В. Л. Чепляева, О. Н. Фомина. — Саратов : Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина, 2015. — С. 174–179.
- Абакумов О. Ю.* Третье отделение на страже нравственности и благочиния. Жандармы в борьбе со взятками и пороком. 1826–1866 гг. — М. : Центрполиграф, 2017.
- Андерсон П.* Родословная абсолютистского государства / пер. с англ. И. Куриллы. — М. : Территория будущего, 2010.
- Бибиков Г. Н.* III Отделение и надзор за губернской администрацией : случай губернатора И. Д. Талызина // Вестник Томского государственного университета. Серия История. — 2017. — Т. 50, № 6. — С. 12–23.
- Бикташева А. Н.* Антропология власти : казанские губернаторы первой половины XIX века. — М. : Новый хронограф, 2012.
- Бикташева А. Н.* Кадровый контроль политической полиции над региональным чиновничеством : практики Казанской губернии 1826–1861 гг. // Известия Саратовского университета. Серия История. Международные отношения. — 2014. — Т. 14, № 4. — С. 110–116.
- Бокова В. М.* Вступительная статья : из переписки отца Петра Мысловского // Российский Архив : история Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Т. XII / под ред. А. Д. Зайцева. — М. : Студия ТРИТЭ, Российский архив, 2003. — С. 95–97.
- Будде Е. Ф.* Из истории Казанского края. — Казань : Казанский университет, 1898.
- Гвоздиков И. М.* Миссия сенатора А. Н. Пещурова. Сенаторская ревизия в Оренбургской губернии. 1842–1843 гг. // Бельские просторы. — 2007. — № 6. — С. 141–162.
- Гладышев В. Ф.* Сведомские начинаются в Перми // Мы — земляки: журнал о Пермском крае и его жителях. — 2010. — Т. 15, № 5. — С. 22–25.
- Деревнина Т. Г.* III отделение и его место в системе государственного строя абсолютной монархии в России : дис. ... канд. ист. наук / Деревнина Т. Г. — М. : Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 1973. История Правительствующего сената за двести лет. 1711–1911 гг. В 5 т. Т. 1911 / сост. И. А. Блинова. — 1911.
- Касанов А.* Соблазненная губернатора. — 2012. — URL: http://www.adsl.kirov.ru/projects/articles/2012/11/10/soblaznivshaya_gubernatora (дата обр. 2 апр. 2019).
- Лавренова А. М.* Синий мундир в зеркале Венеры : взаимовлияние личной жизни и служебной карьеры чинов Отдельного корпуса жандармов // Новый исторический вестник. — 2015. — Т. 44, № 2. — С. 31–53.
- Лемке М. К.* Николаевские жандармы и литература 1826–1855 годов. — СПб. : С. В. Бунин, 1908.

- Мустонен П.* Собственная Его Императорского Величества Канцелярия в механизме властвования института самодержца. 1812–1858 : к типологии основ имперского управления. — Хельсинки : Kikumoga publications, 1998.
- Немчианинова Е. Н.* Кадровое обеспечение губернаторского корпуса Российской империи XIX – начала XX вв. (на материалах Вятской губернии) : дис. ... канд. ист. наук / Немчианинова Е. Н. — Ижевск : Удмуртский государственный университет, 2015.
- Оржешовский И. В.* Самодержавие против революционной России. 1826–1880. — М. : Мысль, 1982.
- Пермские губернаторы : традиции и современность / под ред. И. К. Кирьянова, В. В. Мухина. — Пермь : Пермский университет, 1997.
- Ремнев А. В.* Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX века. — Омск : Омский государственный университет, 1995.
- Ремнев А. В.* Самодержавное правительство : Комитет министров в системе высшего управления Российской империи (вторая половина XIX – начало XX в.) — М. : Российская политическая энциклопедия, 2010.
- Романов В. В.* Надзор за состоянием и деятельностью института губернаторов — функция политической полиции Российской империи в 1826–1860 гг. // Правовая политика и правовая жизнь. — 2012. — № 2. — С. 17–21.
- Русский биографический словарь. В 25 т. Т. 18. Сабанеев — Смыслов / под ред. А. А. Половцова. — СПб. : В. Демаков, 1904.
- Середонин С. М.* Исторический обзор деятельности Комитета министров : в 7 т. Т. II. I. — СПб. : Канцелярия Комитета министров, 1902.
- Чукарев А. Г.* Тайная полиция Николая I: 1826–1855. — М., Жуковский : Кучково поле, 2005.
- Шильдер Н. К.* Император Николай I : его жизнь и царствование. В 2 т. Т. 1. — СПб. : Издательство А. С. Суворина, 1997.
- Эдельман О. В.* Грозный царь-отец // Родина. — 2013. — № 3. — С. 97–101.
- Экштут С. А.* Надин, или Роман великосветской дамы глазами тайной политической полиции. — М. : Согласие, 2001.
- Экштут С. А.* Ох, Анна Львовна! // Родина. — 2013. — № 3. — С. 81–89.
- Burbank J., Cooper F.* Empires in World History. — Princeton : Princeton University Press, 2010.
- Lincoln W.* The Ministers of Nicholas I : A Brief Inquiry into Their Backgrounds and Service Careers // Russian Review. — 1975. — No. 3. — P. 308–323.
- Raeff M.* The Well-Ordered Police State : Social and Institutional Change through Law in the Germanies and Russia, 1600–1800. — Yale : Yale University Press, 1983.
- Yaney G.* The Systematization of Russian Government : Social Evolution in the Domestic Administration of Imperial Russia, 1711–1905. — Chicago : University of Illinois Press, 1973.

Bibikov, G. N. 2019. "Nadzor III otdeleniya za chastnoy zhizn'yu gubernskikh chinovnikov (1820–1830-ye gg.) [The Third Section's Oversight of the Private Life of Provincial Officials (1820–1830s)]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* III (2), 79–108.

GRIGORY BIBIKOV

PHD IN HISTORY; SENIOR RESEARCHER AT THE INSTITUTE OF RUSSIAN HISTORY, RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES, MOSCOW

THE THIRD SECTION'S OVERSIGHT OF THE PRIVATE LIFE OF PROVINCIAL OFFICIALS (1820–1830S)

Abstract: The article is devoted to the oversight of the Third Section of His Majesty's Own Chancellery of the private life of provincial officials in the 1820s and 1830s. The research is primarily based on documents from the archives of the Third Section, the Corps of Gendarmes and the Ministry of Internal Affairs. The recent research revealed that the secret police under Nicholas I not only looked after political opposition but also supervised service activities of provincial officials, as well as the private life and behaviour of subjects. In practice, these activities were closely intertwined. The article deals with the examples of the intervention of the Third Section in the private life of provincial officials with the main accent on the civil governors. The central theme is the case of Perm governor Kirill Tyufyaev (1777–1845). The research revealed that there was no common approach to the limits of government intervention in the private life of officials. Under Nicholas I this area became the object of supervision of the secret police primarily through gendarme staff officers in provinces. Gendarmes paid particular attention to family discord and indecent behaviour. Nicholas I often personally delved into the details of such cases. The sovereign tried to avoid unnecessary publicity but intervened when the circumstances of the private life of employees became the subject of public discussion. In this case, the home life ceased to be a private matter and could end their career. As a representative of the supreme power, the governor had no right to discredit it with his behaviour.

Keywords: Third Section, Nicholas I, Secret Police, Public Sphere, Private Life, Governor, State Official, Kirill Tyufyaev.

DOI: 10.17323/2587-8719-2019-3-2-79-108.

REFERENCES

- Abakumov, O. Yu. 2000. "‘Okо zemnogo boga’ (Kорpus zhandarmov na rubezhe 50–60-kh gg.: traditsii i novatsii) [‘The Eye of the Earth God’ (Gendarme Corps at the turn of the 1850s–1860s: traditions and innovations)]" [in Russian]. In *Osvoboditel'noye dvizheniye v Rossiі [Liberation Movement in Russia]*, ed. by N. A. Troitskiy, 61–78. Vyp. 18. Saratov: Saratovskiy universitet.
- . 2015. "Zhandarmy v bor'be so vzyatochnikami [Gendarmes against Bribe Takers]" [in Russian]. In *Protivodeystviye korrupsii [Anti-Corruption] : gosudarstvennaya politika i grazhdanskoye obshchestvo [State Policy and Civil Society]*, ed. by V. L. Cheplyayev and Fomin O. N., 174–179. Saratov: Povolzhskiy institut upravleniya imeni P. A. Stolypina.
- . 2017. *Tret'ye otdeleniye na strazhe nraustvennosti i blagochiniya. Zhandarmy v bor'be so vzyatkami i porokom. 1826–1866 gg. [The Third Section on Guard of*

- Morality and Decency. Gendarmes against Bribes and Vice, 1826–1866* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Tsentrpoligraf.
- Anderson, P. 2010. *Rodoslavnaya absolyutist-skogo gosudarstva* [Lineages of the Absolutist State] [in Russian]. Trans. from the English by I. Kurilla. Moskva [Moscow]: Territoriya budushchego.
- Bibikov, G. N. 2017. “III Otdeleniye i nadzor za gubernskoy administratsiyey [Third Section of His Imperial Majesty’s Own Chancellery and the Control over Provincial Administration]: sluchay gubernatora I. D. Talyzina [The Case of Governor I. D. Talysin]” [in Russian]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya* 50 (6): 12–23.
- Biktasheva, A. N. 2012. *Antropologiya vlasti* [The Anthropology of Power]: kazanskiye gubernatory pervoy poloviny XIX veka [Kazan Governors of the First Half of the 19th Century] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Novyy khronograf.
- . 2014. “Kadrovyy kontrol’ politicheskoy politzii nad regional’nym chinovnichestvom [Secret Police Control over Regional Bureaucracy]: praktiki Kazanskoy gubernii 1826–1861 gg. [The Practices of Kazan Province, 1826–1861]” [in Russian]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya Istoriya. Mezhdunarodnyye otnosheniya* 14 (4): 110–116.
- Blinov, I. A., comp. 1911. [in Russian]. Vol. 1911 of *Istoriya Pravitel’stvuyushchego senata za dvesti let. 1711–1911 gg.* [The History of the Governing Senate for Two Hundred Years, 1711–1911]. 5 vols.
- Bokova, V. M. 2003. “Vstupitel’naya stat’ya [Introductory Article]: iz perepiski ottsa Petra Myslovskogo [From the Correspondence of Archpriest Piotr Myslovsky]” [in Russian]. In *Rossiyskiy Arkhiv* [The Russian Archive]: istoriya Otechestva v svidetel’stvakh i dokumentakh XVIII–XX vv. [History of Motherland in Certificates and Documents of 18–20th Centuries], ed. by A. D. Zaytsev, XII:95–97. Moskva [Moscow]: Studiya TRIT’E / Rossiyskiy arkhiv.
- Budde, Ye. F. 1898. *Iz istorii Kazanskogo kraya* [From the History of Kazan Region] [in Russian]. Kazan’: Kazanskiy universitet.
- Burbank, J., and F. Cooper. 2010. *Empires in World History*. Princeton: Princeton University Press.
- Chukarev, A. G. 2005. *Taynaya politziya Nikolaya I: 1826–1855* [Secret Police of Nicholas I: 1826–1855] [in Russian]. Moskva [Moscow] and Zhukovskiy: Kuchkovo pole.
- Derevnina, T. G. 1973. “III otdeleniye i yego mesto v sisteme gosudarstvennogo stroya absolyutnoy monarkhii v Rossii [The Third Section and Its Role in the System of the Absolute Monarchy in Russia]” [in Russian]. PhD diss., Moskovskiy gosudarstvennyy universitet im. M. V. Lomonosova.
- Edel’man, O. V. 2013. “Groznyy tsar’-otets [Fearsome Father-Tsar]” [in Russian]. *Rodina*, no. 3: 97–101.
- Ekshut, S. A. 2001. *Nadin, ili Roman velikosvet-skoy damy glazami taynoy politicheskoy politzii* [Nadine, or a Romance of a Beau Monde Lady in the Eyes of the Secret Political Police] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Soglasieye.
- . 2013. “Okh, Anna L’vovna! [Oh, Anna L’vovna!]” [in Russian]. *Rodina*, no. 3: 81–89.
- Gertsen, A. I. 1969. *Byloye i dumy* [My Past and Thoughts] [in Russian]. Ed. by A. Kozlovskiy. Moskva [Moscow]: Khudozhestvennaya literatura.
- Gladyshev, V. F. 2010. “Svedomskiy nachinayut-sya v Permi [Svedoms Begin in Perm]” [in Russian]. *My — zemlyaki: zhurnal o Permskom kraye i yego zhitelyakh* 15 (5): 22–25.
- Gvozdikova, I. M. 2007. “Missiya senatora A. N. Peshchurova. Senatorskaya reviziya v Orenburgskoy gubernii. 1842–1843 gg. [Mission of Senator A. N. Peshchurov. Senatorial Audit of the Orenburg Province. 1842–1843]” [in Russian]. *Bel’skiye prostory*, no. 6: 141–162.

- Kasanov, A. 2012. "Soblaznivshaya gubernatora" [in Russian]. Accessed Apr. 2, 2019. http://www.adsl.kirov.ru/projects/articles/2012/11/10/soblaznivshaya_gubernatora.
- Kir'yanov, I. K., and V. V. Mukhin, eds. 1997. *Permskiye gubernatory [Perm Governors]: traditsii i sovremennost' [Traditions and Modernity]* [in Russian]. Perm': Permskiy universitet.
- Lavrenova, A. M. 2015. "Siniy mundir v zerkale Venery [The Blue Uniform in the Mirror of Venus]: vzaimovliyaniye lichnoy zhizni i sluzhebnoy kar'yery chinov Otdel'nogo korpusa zhandarmov [Interactions Between Personal Life and Professional Career of the Separate Gendarme Corps Officials]" [in Russian]. *Novyy istoricheskiy vestnik* 44 (2): 31–53.
- Lemke, M. K. 1908. *Nikolayevskiy zhandarmy i literatura 1826–1855 godov [Gendarmes of Nicholas I and Literature in 1826–1855]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: S. V. Bunin.
- Lincoln, W. 1975. "The Ministers of Nicholas I: A Brief Inquiry into Their Backgrounds and Service Careers." *Russian Review*, no. 3: 308–323.
- Mustonen, P. 1998. *Sobstvennaya Yego Imperatorskogo Velichestva Kantselyariya v mekhanizme vlastovaniya instituta samoderzhitsa. 1812–1858 [His Imperial Majesty's Own Chancery in the Mechanism of the Autocrat's Ruling Institution in 1812–1858]: k tipologii osnov imperskogo upravleniya [On the Typology of Imperial Rule Foundations]* [in Russian]. Khel'sinki: Kikimora publications.
- Nemchaninova, Ye. N. 2015. "Kadrovoye obespecheniye gubernatorskogo korpusa Rossiyskoy imperii XIX – nachala XX vv. (na materialakh Vyat'skoy gubernii) [The Governor Corps of the Russian Empire of the 19th–Early 20th Centuries (on the Materials of the Vyatka Province)]" [in Russian]. PhD diss., Udmurt'skiy gosudarstvennyy universitet.
- Orzhekhovskiy, I. V. 1982. *Samoderzhaviye protiv revolyutsionnoy Rossii. 1826–1880 [Autocracy Against Revolutionary Russia, 1826–1880]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- "Peterburgskoye obshchestvo pri vosshestvii na prestol imperatora Nikolaya po doneseniym M. M. Foka — A. Kh. Benkendorfu [Petersburg Society at the Accession to the Throne of Emperor Nicholas According to the Reports of M. M. Fock to A. Ch. Benckendorff]." 1881 [in Russian]. *Russkaya Starina*, no. 11: 519–560.
- Polovtsov, A. A., ed. 1904. *Sabaneyev — Smyslov [Sabaneyev — Smyslov]* [in Russian]. Vol. 18 of *Russkiy biograficheskiy slovar' [Russian Biographical Dictionary]*. 25 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: V. Demakov.
- Raeff, M. 1983. *The Well-Ordered Police State: Social and Institutional Change through Law in the Germanies and Russia, 1600–1800*. Yale: Yale University Press.
- Reytblat, A. I., ed. 1998. *Vidok Figlyarin [Vidocq Figlyarin]: pis'ma i agenturnyye zapiski F. V. Bulgarina v III otdeleniye [Letters and Agent Notes by F. V. Bulgarin for the 3rd Section]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Remnev, A. V. 1995. *Samoderzhaviye i Sibir'. Administrativnaya politika v pervoy polovine XIX veka [Autocracy and Siberia. Administrative Policy in the First Half of the 19th century]* [in Russian]. Omsk: Omskiy gosudarstvennyy universitet.
- . 2010. *Samoderzhavnoye pravitel'stvo [Autocratic Government]: Komitet ministrov v sisteme vysshego upravleniya Rossiyskoy imperii (utoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [The Committee of Ministers in the Russian Empire's System of Higher Administration in the Second Half of the 19th and the Early 20th Centuries]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya.
- Romanov, V. V. 2012. "Nadzor za sostoyaniyem i deyatelnost'yu instituta gubernatorov — funktsiya politicheskoy politzii Rossiyskoy imperii v 1826–1860 gg. [Supervision over the State and Activities of the Institution of Governors as a Function of the Political Police of

- the Russian Empire in 1826–1860” [in Russian]. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'*, no. 2: 17–21.
- Seredonin, S. M. 1902. *Istoricheskiy obzor deyatelnosti Komiteta ministrov [Historical Review of the Committee of Ministers' Activity]* [in Russian]. Vol. II, 1. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Kantselyariya Komiteta ministrov.
- Shil'der, N. K. 1997. [in Russian]. Vol. 1 of *Imperator Nikolay I [Emperor Nicholas I]: yego zhizn' i tsarstvovaniye [His Life and Reign]*. 2 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Izdatel'stvo A. S. Suvorina.
- Sidorova, M. V., and Ye. I. Shcherbakova, comps. 2006. *Rossiya pod nadzorom [“Russia Under Supervision”]: otchety III otdeleniya 1827–1869. Sbornik dokumentov [Reports of the Third Section, 1827–1869]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Rossiyskiy fond kul'tury / Rossiyskiy Arkhiv.
- Stogov, E. I. 2003. *Zapiski zhandarmskogo shtab-ofitsera epokhi Nikolaya I [Memoirs of Gendarme Staff Officer Under Nicholas I]* [in Russian]. Ed. by Ye. N. Mukhina. Moskva [Moscow]: Indrik.
- Svitse, Ya. S., ed. 2014. “Vypiski iz zapisok ufimskogo starozhila general-mayora Mikhaila Mikhaylovicha Rebelinskogo [Extracts from Memoirs of Ufa Old-Time Major-General Mikhail Mikhailovich Rebelinsky]” [in Russian]. In *Reka vremeni [River of Time]*, 92–102. Ufa: Knizhnaya palata Respubliki Bashkortostan.
- Tartakovskiy, A. G., ed. 1997. “Perepiska I. A. Yakovleva s A. I. Mikhaylovskim-Danilevskim [Correspondence of I. A. Yakovlev with A. I. Mikhailovsky-Danilevsky]” [in Russian]. In *Gertsen i Ogarev v krugu rodykh i druzey [Gertsen and Ogarev in the Circle of Relatives and Friends]*, Kn. 1, 497–537. Literaturnoye nasledstvo 99. Moskva [Moscow]: Nauka.
- Yaney, G. 1973. *The Systematization of Russian Government: Social Evolution in the Domestic Administration of Imperial Russia, 1711–1905*. Chicago: University of Illinois Press.
- Zakharova, L. G., and Tyutyunnik L. I., comps. 1999. *Venchaniye s Rossiiyey [Wedding with Russia]: perepiska Velikogo knyazya Aleksandra Nikolayevicha s imperatorom Nikolayem I. 1837 god [Correspondence of Grand Duke Alexander Nikolaevich with Emperor Nicholas I. 1837]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Moskovskiy universitet.
- Zhirkevich, I. S. 2009. *Zapiski Ivana Stepanovicha Zhirkevicha. 1789–1848 [The Memoirs of Ivan Stepanovich Zhirkevich. 1789–1848]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Kuchkovo pole.